

Vydáno Publishing House «Education and Science»,
Frýdlanská 15/1314, Praha 8
Spolu s DSP SHID, Berdianskaja 61 B, Dnepropetrovsk

**Materiály VIII mezinárodní vědecko - praktická konference
«Dny vědy - 2012».** - Díl 54. Historie: Praha. Publishing House
«Education and Science» s.r.o - 88 stran

Šéfredaktor: Prof. JUDr. Zdeněk Černák

Náměstek hlavního redaktor: Mgr. Alena Pelicánová

Zodpovědný za vydání: Mgr. Jana Štefko

Manažer: Mgr. Helena Žáková

Technický pracovník: Bc. Kateřina Zahradníčková

VIII sběrné nádobě obsahují materiály mezinárodní vědecko - praktická
konference «Dny vědy» (27 březen - 05 dubna 2012 roku) po sekcích
«Historie»

Pro studentů, aspirantů a vědeckých pracovníků

Cena 270 Kč

Незважаючи на велику завантаженість як Д. В. Айналова, так і Є. К. Редіна, друзі опубліковують низку статей. За приклад можна взяти такі роботи як «Мозаики и фрески Киево-Софийского собора» [5], «Древние памятники искусства Киева. Софийский собор, Златоверхо-Михайловский и Кирилловский монастыри» [6] та інші. Обидва брали активну участь у роботі Археологічних з'їздів, у тому числі і в роботі XII Археологічного з'їзду, який проходив в Харкові в 1902 р.

Друзі уважно слідували за новими публікаціями. Про глибокі знання та науковий авторитет Д. В. Айналова і Є. К. Редіна в царині історії мистецтв і археології підтверджує ряд науково-критичних статей, що були надруковані в такому відомому виданні як «Византийский Временник» [7].

У травні 1907 р. Є. К. Редін тяжко захворів. Один із останніх листів Є. К. Редіна був адресований Д. В. Айналову. Він писав: «Болезнь сильно подорвала мои силы, и я никак не могу оправиться, а самое главное: моя голова, на которую я возлагал надежды, что, когда я оправлюсь после болезни, будет работать, увы, в данное время, по-видимому, не хочет работать» [8. С. 23–24].

У 1907 р., враховуючи наукові заслуги Є. К. Редіна, Петербурзький університет присвоїв йому ступінь доктора теорії та історії мистецтва. У клопотанні від 6 жовтня 1907 р. на ім'я ректора щодо декана історико-філологічного факультету мовилось: «Заслушав представление проф<ессоров> Д. В. Айналова и С. А. Жебелева о возведении в степень доктора истории и теории искусств и. д. экстраординарного проф. Е. К. Редина honoris causa, факультет подверг означенное представление закрытой баллотировке. По подсчету голосов оказалось, что искомая степень присуждена Е. К. Редину единогласно» [9. С. 340].

Ректорат Харківського університету, у свою чергу, прийняв рішення щодо призначення Є. К. Редіна ординарним професором по кафедрі теорії і історії мистецтв [10. 1908. С. 93].

Професор Харківського університету, доктор наук Є. К. Редін помер 27 квітня 1908 р.

Після смерті друга Д. В. Айналов і П. С. Уваров (1840–1924) взяли на себе всі клопотання щодо друкування незавершеної монографії Є. К. Редіна «Христианская топография Козьмы Индикоплова по греческим и русским спискам» [11]. Перша частина дослідження була надрукована в 1916 р. Другу частину монографії Є. К. Редіна так і не було опубліковано.

Література:

1. Вздорнов Г. И. История открытия и изучения русской средневековой живописи. XIX век. – М., 1986.
2. Новороссийский университет в 1888 году // Журнал Министерства народного просвещения. – 1890. – № 4. – С. 54–58.
3. Веселовский Н. И. История императорского Русского Археологического общества за первые пятьдесят лет его существования (1846–1896). – СПб., 1900.

OBSAH

HISTORIE

VLASTNÍ HISTORIE

Філіппенко Р.І., Берестова А.А. Развитие мистецтвознавства у Харківському та Казанському університетах: Є.К.Редін і Д.В.Айналов – друзі та колеги	3
Суханова О.Н. Гласный Калужского земства В.П.Обнинский	5
Шушканова Е.А. Государственный капитализм в России: модель экономического роста или утопия?	7
Валитов А.А., Федотова Д.Ю. Тобольск духовный и культурный центр региона XVI-XX вв.	12
Протасова О.Л. А.В.Пешехонов в Чехословакии	14
Смирнов Г.С. Динамика бедности в Уральском экономическом районе в ходе реализации рыночных реформ	19
Зотова А.В. Социально-культурная роль Петроградского пригородного общества взаимного кредита в годы Первой мировой войны	21
Білан С.О. Аграрні реформи в Україні у 30-х рр.ХХ ст.	23
Труженикова Л.А. К вопросу о принятии Конституции Республики Дагестан 2003 года	25
Васильева Н.Д. Социально-культурное строительство на севере Якутии в 1920-х – 30-х гг.	27
Shaukenov Zh.A. Historical foreshortening in the general layout of building arkalyk	34
Грицай Л.В. Адмирал Колчак – Наполеон или Вашингтон?	42
Дмитриев Е.В. Ставропольская губерния России накануне крестьянской реформы 1861 г.(экономический аспект)	45
Красовская Ю.В. Как и почему исчезли городские думы после октября 1917 года (на примере Ярославской и Костромской губерний)	48
Сакали Х.Б., Кулініч В.В., Кальницька Є.О. Роль купецтва Південної Бессарабії в органах місцевого самоврядування наприкінці XVIII на початку XIX століть	55
Картабаева Е.Т. Суфизм и средневековые тюркские мыслители	58
Асылбекова Ж.М.-А. Национальный состав населения Казахстана по итогам Всесоюзной переписи населения 1939 года	63
Войтович А.В. Влияние социально-экономического и социокультурного развития СССР в 1953-1985 гг.на состояние правопорядка в Томской области.	69

кризиса начала 1990-х годов были разными. Это зависело от ряда макроэкономических факторов.

В 1995 г. наиболее высокий уровень бедности наблюдался в Курганской и Оренбургской областях (49,5 и 49,3% соответственно). По этому показателю они заметно оторвались от своих соседей. Самыми благополучными оставались Пермская (25,7%) и Челябинская (27,9%) Между крайними полюсами находились Свердловская область (29,5%) и Башкортостан (32,4%).

К 1998 г. число бедных сократилось во всех без исключения субъектах, но в разной степени, больше всего в Оренбургской обл. вследствие быстрого восстановления спроса на продукцию экспортно-сырьевой промышленности и высокого уровня мировых цен (на 26,4%). Это позволило шире финансировать социальные программы, направленные на поддержание бедных групп населения. В остальных субъектах снижение бедности происходило гораздо медленнее и равномернее (от 8% в Курганской обл. до 5,8% в Челябинской).

С 1998 г. доля бедного населения увеличивалась вплоть до 2000 г. включительно в Башкирии и Оренбургской обл. Причём в последней это увеличение, как и предыдущее снижение, происходило скачкообразно. Область вновь оказалась на первом месте по уровню бедности примерно на той же позиции, что и в 1995 г. (42,1%). В остальных субъектах снижение началось годом раньше.

В 2000 г. удельный вес населения, живущего за чертой бедности, составлял в Курганской обл. 50%, Оренбургской 42,1%, Башкортостане 33,1%, Челябинской обл. 30,7%, Свердловской 28,8%, Пермской 25,5%. В 2001 – 2007 гг., эта доля неуклонно снижалась по всему региону и оставалась наиболее высокой к 2007 г. в Курганской обл. 24%, Оренбургской 19%, а самой низкой в Челябинской обл. 11% и Свердловской обл. 12,1%. На протяжении десяти лет (1996 – 2004 гг.) наибольший удельный вес лиц с денежными доходами ниже прожиточного минимума сохранялся в Курганской и Оренбургской областях. В Курганской он в разные годы колебался от 51,6% до 35,1%, в среднем оставаясь на уровне 46,4%. В Оренбургской в среднем 33%, Челябинской 24,7%, Башкортостане 26,5%, Пермском крае 22,6%, Свердловской 25,4%.

Таким образом, несмотря на колебания уровня социально-экономического развития, субъекты региона можно разделить на две группы: с относительно высокой и относительно низкой долей лиц, живущих ниже черты бедности. К первой группе относятся преимущественно сельскохозяйственные территории (Курганская и Оренбургская области, республика Башкортостан), ко второй преимущественно индустриальные (Свердловская и Челябинская области и Пермский край). При этом доля бедняков в крайних субъектах различается вдвое: 46,6% в Курганской обл. и 22,6% в Пермском крае.

Литература:

1. Объединённый архив Челябинской обл. Ф. Р-1142. Оп.1. Д. 819, 840, 873, 885.

9 Советы Казахстана, 1992. 22 декабря; Козыбаев М.К. Казахстан на рубеже веков: размышления и поиски. Кн. 2., – Алматы, 2000. – С.44-46.; Омарбеков Т. 20-30 жылдардағы Қазақстан қасіреті. – Алматы, 1997. 282-314 бб.; Козыбаев М.К., Алдажуманов Қ.С., Әбілхожин Ж. Қазақстандағы күшпен коллективтендіру: пен зорлық. – Алматы, 1992. 9-10, 32-35 бб.

10 Козыбаев М., Абылхожин Ж., Татимов М. Казахстанская трагедия. Вопросы истории, 1989. № 7. С. 53-71.

11 Советы Казахстана, 1992. 22 декабря; Омарбеков Т. Указ. Работа. С. 282-314; Козыбаев М.К. Указ. Работа. С. 45-46.

12Советы Казахстана, 1992. 22 декабря; Козыбаев М.К., Абылхожин Ж.Б., Алдажуманов К.С.. Коллективизация в Казахстане: трагедия крестьянства. – А., 1992. _ . 7-8, 10-12, 30-31; Аимбетов С. 1926-1939 жылдар аралығындағы Қазақстан халқының этно-демографиялық және әлеуметтік құрылымындағы өзгерістер. Тарих ғылымындағы кандидаты ғылыми дәрежесін алу үшін дайындалған авторефераты. Алматы, 1998. 16 б. Татимов М., Татимова М. Трагедия Великой степи. Мысль, 2009. -№ 6. С. 55-60. и др.

13 РГАЭ. Ф. 1562. ОП.336. Д. 264. Лл. 13-14.

14 Там же.

15 Там же.

Войтович А.В.

*Национальный исследовательский Томский политехнический университет,
Россия*

ВЛИЯНИЕ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО И СОЦИОКУЛЬТУРНОГО РАЗВИТИЯ СССР В 1953-1985 ГГ. НА СОСТОЯНИЕ ПРАВОПОРЯДКА В ТОМСКОЙ ОБЛАСТИ.

Состояние правопорядка, понимаемый как уровень преступности (число преступлений в расчете на количество населения) с одной стороны, и степень защиты жизни, здоровья граждан, имущества всех видов собственности (в том числе, государственной) от посягательств со стороны криминалитета с другой стороны, является отражением правовой культуры населения и одним из показателей дееспособности власти (в лице правоохранительных органов) обеспечить условия социально-экономического и культурного развития страны. В свою очередь, и правовая культура, обуславливающая правовое поведение, и деятельность правоохранительных органов, испытывают огромное влияние общественно-политических, экономических, социокультурных процессов. Таким образом, существует связь между этими процессами и состоянием правопорядка в стране или конкретном регионе.

Томская область расположена в Западной Сибири, где, согласно данным советской криминологии (юридической науки, изучающей преступность как социальное явление, ее причины, условия, методы профилактики и борьбы с ней, проблемы правосознания и т.д.), уровень преступности был выше, чем в среднем по стране, но ниже, чем в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке [1]. На состояние правопорядка в Томской области оказывали влияние такие специфические факторы, как а) удаленность от центра, обширная территория с низкой плотностью населения, слабо развитой инфраструктурой, сложными природно-климатическими условиями; б) высокий удельный вес молодежи (на рубеже 1960-х – 1970-х гг. образовательный комплекс области был представлен 7-ю вузами, 19-ю училищами и техникумами), которая, в силу особенностей возрастной психологии, является одной из криминогенных категорий граждан; в) значительное число асоциального элемента, обусловленное практикой административной ссылки в регион ранее судимых лиц и преобладанием лесной промышленности, нуждавшейся в рабочей силе низкой квалификации. Общий культурно-правовой уровень работников лесной отрасли возрастал вслед за внедрением новых технологий, требовавших более высоко образованных кадров. Однако потребность в рабочих руках на севере всегда была остра, и для бывших заключенных, административно ссыльных и других маргиналов лесоповал оставался простым и надежным местом работы. Во второй половине 1960-х гг., с началом промышленной разработки месторождений нефти и газа в Томской области, эта ситуация усугубилась проблемами, связанными с вахтовым методом нефтедобычи. Трудные производственно-климатические и бытовые условия, неразвитость социальной инфраструктуры, преимущественно мужская среда трудовых коллективов, порождали в вахтовых поселках повышенную конфликтность. Наличие в таких условиях ранее судимых и граждан, имевших низкий культурно-правовой уровень, приводило к распространению пьянства, «привыканию» части населения к противоправным, в том числе насильственным способам разрешения конфликтных ситуаций. Между тем, качественные характеристики населения оказывают большое влияние на криминогенную ситуацию, и Томск, как признанный образовательный и культурный центр, имел значительный антикриминальный потенциал. Но высокообразованные и культурные кадры, являвшиеся в массе своей носителями морально-правовых ценностей, в большом количестве покидали пределы области, уезжали в другие регионы, где рассогласования экономического и социального развития были не так заметны. Постоянный отток квалифицированных кадров и замещение их рабочей силой более низкого профессионального и культурно-правового уровня отрицательно сказывались на общей социально-правовой атмосфере области и Томска. Многие из этих особенностей характерны для региона и в начале XXI века.

В Томской области в 1953-1985 гг. наблюдались криминальные тенденции, которые были характерны в целом для СССР. Во-первых, постоянный рост об-

К.и.н. Смирнов Г.С.

*Академия народного хозяйства и государственной службы
при президенте РФ (Челябинский филиал), Россия*

ДИНАМИКА БЕДНОСТИ В УРАЛЬСКОМ ЭКОНОМИЧЕСКОМ РАЙОНЕ В ХОДЕ РЕАЛИЗАЦИИ РЫНОЧНЫХ РЕФОРМ

Доля бедного населения – это тот показатель, на который органы социальной защиты опираются, принимая решение о предоставлении социальной помощи. Поэтому знание уровня бедности и её динамики крайне важно для разработки общероссийской и региональной социальной политики.

За первое десятилетие рыночных реформ реальные доходы населения в целом по России снизились более чем в два раза, ухудшились практически все показатели уровня и качества его жизни. В 1999 г. свыше трети россиян имели доходы ниже прожиточного минимума, а еще 50% едва сводили концы с концами. Первая фаза этого падения пришлась на 1992-1995 гг. и была связана с либерализацией цен, а также с высокой инфляцией, обесценившей накопления граждан. После этого наметился определенное подъяём благосостояния, длившийся до 1998 г. Второй удар по уровню жизни нанес финансовый кризис 1998 г. К началу 2001 г. реальные располагаемые денежные доходы населения оставались на уровне 77% от 1997 г. В начале – середине 2000-х годов ситуация постепенно улучшалась вплоть до 2008 г., когда финансово-экономический кризис вновь резко понизил уровень жизни в стране. Такова объективная динамика уровня жизни в России.

Для более адекватной оценки экономического положения населения, нуждающегося в социальной защите, следует учитывать, что, во-первых, реформы сопровождались стремительной поляризацией населения по уровню и источникам доходов, а официальная статистика по-прежнему давала усреднённые цифры ВВП и доходов на душу населения, во-вторых, что показатели уровня жизни и доля бедного населения существенно различаются по отдельным регионам России.

Выбранные для сравнительного анализа субъекты РФ в настоящее время входят в состав двух федеральных округов – Приволжского (Башкортостан, Оренбургская область и Пермский край) и Уральского (Курганская, Свердловская и Челябинская области). Исторически все они являются частями Уральского экономического района, складывавшегося на основе географического расположения вокруг Уральских гор. Население района в 2010 г. насчитывало около 17,4 млн. человек, в том числе Свердловская обл. 4,2 млн., Башкортостан 4,1 млн., Челябинская обл. 3,5 млн., Пермский край 2,6 млн., Оренбургская обл. 2,1 млн., Курганская обл. 0,9 млн. человек. Экономический спад коснулся всех субъектов региона, но степень его выраженности и темпы выхода из затяжного

формировалась под чудовищным нажимом сверху, став разновидностью правящей идеологии. Правда, за годы своего отсутствия в России Пешехонов не мог ощутить, насколько глубоко в стране зашел процесс «культурной революции». Он саркастически отзывался об этой миссии эмиграции – спасении духовной русской культуры. По его мнению, она состояла из мелочей, к тому же абсурдных, вроде сохранения старого юлианского календаря или старой орфографии. «Усилия направляются на поддержание и укрепление связей не с живой русской культурой, а с прежней, дореволюционной, как будто русская культура остановилась в своем развитии. В результате может получиться не восстановление в этой области связей с русским народом, а лишь закрепление уже имеющегося разрыва» [4, с.81], – писал он.

Пешехонов, впрочем, понимал, что при всем желании вернуться не каждый мог рассчитывать на это, и поэтому призывал к возвращению хотя бы духовному (под которым понимал, вероятно, примирение с Россией заочно, на расстоянии): «Все-таки они будут ближе к России и, может быть, еще сыграют возможную и посильную для них роль в ее судьбах» [4, с.95].

Среди сторонников Пешехонова выделялись Е. Кускова и М. Осоргин, которые энергично поддержали его позицию. Это «трио» было признано организатором движения, названного «возвращенством». Противников этого движения было неизмеримо больше, чем сочувствующих ему.

В 1926 г. Пешехонов подал повторное заявление об истечении срока высылки в советское полпредство в Праге. В августе 1927 г. ему пришло приглашение явиться в полпредство. Пешехонову сообщили, что Москва предоставляет ему место экономического консультанта в торгпредстве СССР в Литве, Латвии и Эстонии. В Россию его так и не пускали, но гражданство он мог восстановить. Пешехонов, конечно, сразу согласился: теперь он мог работать для России, пусть и за ее пределами. Впоследствии Алексей Васильевич не раз поднимал вопрос о переезде в Москву для работы в Госплане, но в апреле 1933 г. он умер, так и не соединившись с родиной. Возвращение произошло посмертно: старый народник, настоящий патриот А.В. Пешехонов похоронен на Волковом кладбище в Санкт-Петербурге.

Литература:

1. Лутохин Д.А. Зарубежные пастыри // Минувшее. Исторический альманах. Т.22. М., 1997.
2. Пешехонов А.В. К вопросу о социальной трансформации России // Современные записки. Париж, 1923. №16.
3. Пешехонов А.В. Почему я не эмигрировал? Берлин, 1923.
4. Пешехонов А.В. Родина и эмиграция // Воля России. Прага, 1925. №7-8.
5. Цветаева М.И. Неизданные письма. Париж, 1972.

этого числа зарегистрированных преступлений при сокращении доли особо опасных преступлений, таких как убийства, разбой, грабеж. При этом, на всем протяжении изучаемого периода, преступность в Томской области была выше, чем в других регионах. Так, в начале 1960-х гг. в области ежегодно регистрировалось свыше четырех тысяч преступлений, в начале 1970-х – свыше шести тысяч, в начале 1980-х гг. – восемь тысяч преступлений, из которых свыше сорока процентов приходилось на Томск [2]. Согласно статистике, к 1985 году Томская область по числу преступлений на сто тысяч жителей оказалась на 7-м месте в РСФСР, тогда как Кемеровская область – на 27-м, Омская – на 29-м, Новосибирская область – на 30-м месте [3].

Во-вторых, в Томской области, как и в стране в целом, в структуре преступности наблюдалось преобладание хулиганства в хрущевский период (1953-1964 гг.) и его высокая доля – в брежневский период. Этот вид преступлений напрямую связан с низким культурно-правовым уровнем и отсутствием общественно приемлемых нравственно-поведенческих норм у части населения, огромной степенью поражения населения алкоголизмом. К 1984 году количество больных алкоголизмом в Томской области составляло тридцать человек на каждую тысячу населения, что было вдвое больше, чем в среднем по РСФСР [4], (статистика о распространении пьянства отсутствует). В хрущевский период хулиганство, в том числе массовое, особенно широко было распространено в городах-новостройках и образовательных центрах, среди которых был и Томск с его высшими, средними и профессиональными учебными заведениями. В целом же, рост преступности в годы «Оттепели» во многом связан с окончанием периода тоталитаризма с его десятилетиями бесправия и обесценивания человеческой жизни.

В-третьих, в брежневский период в структуре преступности в стране и области преобладала экономическая преступность, которая обуславливалась дефицитом товаров и услуг, методами хозяйствования, оставляющими широкий простор для махинаций, а также отношением к государственному имуществу как рядовых граждан, так и фактических распорядителей этим имуществом. Согласно статистики, основным видом преступлений в этой сфере были хищения социалистической собственности, однако значительно больший ущерб наносила бесхозяйственность и «теневая» экономика. Поскольку эти деяния, в отличие от разбоя, грабежей, изнасилований, тяжких телесных повреждений, убийств и краж, не представляли угрозы для жизни, здоровья и имущества граждан, то население почти не воспринимало их как преступления, и в обыденном правосознании происходила своеобразная декриминализация ряда уголовно наказуемых деяний. Между тем, «теневая экономика», как особый тип экономической преступности, являлась базой становления организованной преступности, катализатором таких видов преступлений как валютные махинации, контрабанда, вымогательства, грабежи, убийства.

Особенностью профилактики преступности в СССР являлось то, что в нее прямо или косвенно были вовлечены все ресурсы политического строя: органы

внутренних дел, госбезопасности, прокуратура, суд, народный контроль, общественные организации, средства массовой информации, комсомол, школа. Для участия рядовых граждан в охране правопорядка создавались Добровольные народные дружины; в трудовых коллективах и по месту жительства формировались товарищеские суды для рассмотрения мелких административных, гражданских, впервые совершенных, не представляющих общественной опасности преступлений и правонарушений. Добровольные народные дружины внесли определенный вклад в обеспечение спокойствия и охраны правопорядка общественных местах и на улицах Томска, населенных пунктов области. К ноябрю 1959 года в Томске насчитывалось 63 дружины, общая численность которых превышала 2,5 тыс. человек, в 1983 году в Томской области действовало свыше 1200 дружин, численностью свыше 53,5 тыс. человек. В 1983 году их силами задержано было за мелкое хулиганство более 12 тыс. человек, в вытрезители области доставлено около 50 тыс. человек [5]. Но все эти формы гражданской активности с течением времени становились всё более формальными, при формировании дружин часто нарушался принцип добровольности, и в целом, партийно-государственное руководство переоценило возможности общественных организаций в деле профилактики преступности.

Таким образом, на состояние правопорядка в Томской области в 1953-1985 гг. воздействие оказывали такие природные, экономические, социально-демографические особенности региона как слабая заселенность, преобладание добывающей промышленности, нуждающейся в кадрах низкой квалификации, широкое распространение алкоголизма и пьянства, концентрация асоциального и криминогенного контингента, ретранслирующего в среде населения, в т.ч. молодежи, криминальные взгляды и модели поведения.

Литература:

1. Абызов Р.М. К вопросу об особенностях региональной преступности, ее прогнозирование и предупреждение // Актуальные проблемы государства и права в современный период. Ч.11. – Томск, 2002. – С. 106.
2. ЦДНИ ТО. Ф. 607. Оп. 1. Д. 3271. Л. 8; Д. 4578. Л. 85-86; Д. 4322. Л. 61.
3. Томская область. Исторический очерк. – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 1994. – С. 604.
4. ЦДНИ ТО. Ф. 607. Оп.21. Д. 128. Л. 25.
5. ЦДНИ ТО. Ф. 607. Оп.1. Д. 3126. Л. 64.

писал Д.А. Лутохин. И гости приходили: частенько бывали Лутохин, бывший сподвижник Пешехонова по народно-социалистической партии В.А. Мякотин, даже «бабушка русской революции» Е.К. Брешко-Брешковская, переступившая девятый десяток, но еще очень бодрая и чуть ли не влюбленная в Керенского... На вопрос, где было хуже – на каторге или в эмиграции, старая революционерка ответила, что в эмиграции хуже, поскольку нет надежды вернуться на родину [1, с.84]. У М. Цветаевой в письмах есть указания на то, что и она бывала у Пешехоновых, но для нее там «скука смертная».

Наблюдая за русской эмиграцией, А.В.Пешехонов почти не видел в ее среде людей, которые органически вошли бы в иностранную жизнь, сроднились с нею и нашли бы там новую родину. Интеллигенция и вовсе занимала обособленную позицию. Это Пешехонов объяснял отличием типа (не степени развития!) русской культуры от западной. Взрослые, сформировавшиеся, умудренные опытом к моменту эмиграции люди не могли отрешиться от своей культуры, поэтому им не удавалось полностью войти в чужую культуру и принять ее. Детям, выехавшим из России в раннем возрасте, в этом отношении было несравненно проще. И все же необходимо подчеркнуть, что, поставленный перед неизбежностью жить вне России, Пешехонов в конечном итоге (как и многие!) предпочел славянскую страну с более близкой истинному славянину культурой, чем, скажем, Германию, Францию или Турцию. Тем ярче можно представить его муки, вызванные разлукой с родиной, раз даже в Чехии, среди не только коренного славянского населения, но и многочисленных соотечественников, он чувствовал себя одиноким и задыхался, словно «рыба, вынутая из воды»...

Бывшие же единомышленники Пешехонова из среды русских эмигрантов, уже на чужбине разошедшиеся с ним во взглядах на настоящее и будущее России и роль эмиграции, были оскорблены уничижительными высказываниями Алексея Васильевича, суть которых сводилась к следующему: за границей русские эмигранты никому не нужны; у них нет никакой культурной миссии; эмиграция слишком преувеличивает свое значение для России; в самой России без эмиграции тоже отлично обойдутся.

Мнение это, конечно, весьма тенденциозно и высказано крайне резко, поэтому нетрудно понять негативную реакцию эмиграции. Действительно, то, что Пешехонов не прижился за границей, чувствовал себя потерянным, не мог найти достойного применения своим силам, вряд ли давало ему право так говорить о людях (пусть даже обобщенно, не переходя на личности), многих из которых он знал и когда-то уважал. Ведь русская эмиграция в реальности – это была тоже Россия и та же Россия, состоявшая из талантливых, умных, но отринутых большевиками своих представителей; это была часть русской культуры, которая не определяла свое поведение указаниями власти, а жила по своим законам и принципам. Сводя к нулю значение эмиграции, Пешехонов был, конечно, глубоко неправ, в своей оценке подменяя разум эмоциями. Традиционная русская культура выжила именно в изгнании, а не в советской России, где она де-